

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ

№ 2, 2011

Партнерство во имя идей.

Интервью Федерального министра образования
и исследований Аннете ШАВАН

Владимир ФАЛЬЦМАН.

Подготовка российских менеджеров
по немецким принципам

Такеши ЦУБАТА.

Япония после землетрясения,
цунами и катастрофы в Фукусиме

Александр ФИТЦ.

От Шнобелевской премии к Нобелевской

Татьяна ПОПОВА.

«Да, только Север величавый мог Ломоносова родить».
К 300-летию со дня рождения М.В.Ломоносова

Михаил ШКАРОВСКИЙ.

Религиозная политика нацистской Германии
на оккупированной территории СССР. К 70-летию
со дня начала Великой Отечественной войны

Дмитрий ЖУХОВИЦКИЙ.

Тепловые капиллярные флуктуации поверхности леннард-
джонсовых кластеров

Юрий ИГНАТЬЕВ, Анна КУНИЛОВСКАЯ, Ольга ВАРЕЧКИНА.

Колоссальный пирамидион фараона Снофру

2011 – РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ ГОД ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

**Россия и Германия.
Научный гумбольдтовский журнал**

Учредитель:

ООО «Институт энергии знаний»
121096 г. Москва, ул. 2-ая Филевская, д. 7, корп. 6
тел.: +7 (909) 917 60 43
e-mail: energsnan@yandex.ru
веб-страница: <http://energsnan.narod.ru>

Главный редактор:

Татьяна Иларионова

Ответственный секретарь:

Антон Иларионов

Редакционный совет:

Председатель совета:

Виктор Задков,

доктор физико-математических наук, профессор,
заместитель декана физического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

Заместители председателя совета:

Естественные науки – Алексей Хохлов,

доктор физико-математических наук, профессор,
академик РАН, проректор МГУ им. М.В. Ломоносова

Гуманитарные науки – Александр Чубарьян,

доктор исторических наук, профессор, академик РАН,
директор Института всеобщей истории РАН

Члены совета:

Татьяна Иларионова,

доктор философских наук, профессор, генеральный
директор ООО «Институт энергии знаний»

Штеффен Мелих,

руководитель Департамента поддержки стипендиатов
и сети выпускников Фонда им. Александра фон
Гумбольдта (Германия)

Сергей Левченко,

доктор технических наук, заведующий лабораторией
Государственного научного учреждения «Объединенный
Институт энергетических и ядерных исследований –
Сосны» Национальной академии наук Беларуси,
руководитель Гумбольдтовского клуба Республики
Беларусь (Республика Беларусь)

Анатолий Сидоренко,

доктор физико-математических наук, профессор,
директор Института электроники и нанотехнологий
АН РМ, президент «Гумбольд-Клуб Молдовы»
(Республика Молдова)

Владимир Тишков,

доктор химических наук, профессор Химического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, генеральный
директор ООО «Инновации и высокие технологии МГУ»

Издатель:

ООО «Институт энергии знаний»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по
надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-40351 выдано 30 июня 2010 г.

При использовании материалов ссылка обязательна.

Мнение авторов не обязательно совпадает
с мнением редакционного совета. Редакция не несет
ответственности за содержание рекламных материалов.
Тираж 500 экз.

Дизайн и верстка:

Наталья Иванова

Фото на обложке: Антон Иларионов

Типография:

ООО «ТДДС-СТОЛИЦА-8»

Российская Федерация, 214012, Смоленская область,
г. Смоленск, ул. Розы Люксембург, д. 2

Заказ №6097

Электронный адрес редакции:

rudeutsch@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ ГОД ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

Татьяна ИЛАРИОНОВА. Полный ход! 4

Партнерство во имя идей. Интервью Федерального министра образования
и исследований Аннетте Шаван научному гумбольдтовскому журналу «Россия
и Германия». Partnerschaft der Ideen. Interview der Bundesministerin für Bildung und Forschung
Annette Schavan an der wissenschaftliche Humboldt-Zeitschrift «Russland und Deutschland» 8
Премия выпускников. Alumni-Preis 13

ЖИВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Регина ЛАРОШ. Einmal Humboldtianer, immer Humboldtianer! Один раз
гумбольдтианец – всегда гумбольдтианец! 14

Светлана ТВОРОГОВА, Татьяна АРЖАКОВА. Что мы увозим с собой? Анализ итоговых
эссе российских выпускников программы стипендий Федерального канцлера Германии 18
«Почему Германия?» 21

Владимир ФАЛЬЦМАН. Подготовка российских менеджеров по немецким принципам 22

Вера ГИРЯЕВА. Экологическое сознание как инструмент экологической политики 26

АКТУАЛЬНОСТЬ И НОВИЗНА

Такеши ЦУБАТА. Япония после землетрясения, цунами и катастрофы в Фукусиме 30

Александр ФИТЦ. От Шнобелевской премии к Нобелевской 32

Ответ читателю 34

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Татьяна ПОПОВА. «Да, только Север величавый мог Ломоносова родить».
К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова 35

Михаил ШКАРОВСКИЙ. Религиозная политика нацистской Германии
на оккупированной территории СССР. К 70-летию со дня начала Великой
Отечественной войны 38

ИСТОРИЯ – ТЕРРИТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Александр ЕРОХИН. Отто цур Линде и движение «Харон»: забытая страница
немецкой литературной истории 42

Владимир ПОПОВ. Студенческие союзы и сообщества в Германии и России
в период XV – XIX вв. Сравнительный анализ 46

ГУМБОЛЬДТЫ

Николай ШАДРИН. Александр фон Гумбольдт – первый эколог 50

Наталья РОСТИСЛАВЛЕВА. Интеллектуальный либерализм в Пруссии:
размышления о Вильгельме фон Гумбольдте 54

Александр ЕРОХИН
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой издательского дела и книговедения
Удмуртского госуниверситета (г. Ижевск)
erochin@yandex.ru

ОТТО ЦУР ЛИНДЕ И ДВИЖЕНИЕ «ХАРОН»: ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

Немецкий поэт Отто цур Линде (1873–1938 гг.) сегодня известен лишь узкому кругу специалистов по истории немецкой литературы как в самой Германии, так и за ее пределами. Между тем, в начале XX века цур Линде и возглавляемое им объединение «Харон» играли значительную роль в немецкой культурной и художественной жизни. В состав «Харона» входили многие известные представители литературы Германии. Движение отличалось немалой активностью: издавались журналы и книги, проводились публичные чтения, возникло «Общество друзей «Харона»», которое было призвано разъяснять широкой аудитории цели объединения. Тем не менее, несмотря на усилия его руководителей и рядовых участников, первая мировая война и последующие годы социальных потрясений привели к распаду «Харона». Отто цур Линде, признанный глава этого движения, в 1920-е гг. был практически забыт. В 1950-е гг. попытки Рудольфа Паульсена, ближайшего сотрудника цур Линде, возродить сообщество «Харон» закончились неудачей.

Сегодня деятельность «Харона» и его основателя Отто цур Линде может показаться нам своеобразным «курьезом», не оставившим после себя, несмотря на амбициозные декларации, ни какой-либо заметной художественной школы ни значительных произведений. Действительно — уже в 1910-е гг. «харонтики» не смогли утвердиться в пестром, стремительно меняющемся литературно-художественном ландшафте Германии.

С одной стороны, слишком много сил было потрачено на полемику с уходящим в прошлое немецким натурализмом (прежде всего, с одним из ведущих авторов и теоретиков натурализма Арно Хольцем) — в своем полемическом трактате «Арно Хольц и Харон» (1911) цур Линде настойчиво стремился доказать уже давно пресыщенной натурализмом публике, что именно движение «Харон» представляет на немецкой литературной сцене подлинный натурализм. С другой стороны, как писал Рудольф Паульсен, «после войны все накрыла волна экспрессионизма, и тогда наш круг распался и был забыт» [1]. Иными словами — Отто цур Линде и «Харон», во многом предвосхитившие и даже, по мнению некоторых авторов, успешно преодолевшие экспрессионизм [2], не смогли конкурировать с этим ярким и динамичным движением.

Наконец, плохую службу «Харону» оказала его подчеркнутая враждебность — несмотря на название, заимствованное из античной мифологии, — по отношению к иноязычным эстетическим влияниям, его, по словам Альберта Зергеля, «сознательно немецкая позиция» [3]. В контексте борьбы с нацизмом и послевоенной денацификации такой выбор вызывал, как минимум, недоверие, хотя из ведущих «харонтиков» с нацистами сотрудничал лишь Рудольф Паульсен.

И все же — при всех перечисленных нами «отягчающих обстоятельствах» объединение «Харон» и его руководитель достойны не только краткого упоминания в словарях, справочниках и литератур-

ных историях, но и более вдумчивого анализа. Так, при внимательном рассмотрении лирика Отто цур Линде обнаруживаются качества, позволяющие сопоставлять этого поэта с ведущими и всемирно признанными немецкими и австрийскими поэтами того времени — Райнером Марией Рильке, Штефаном Георге, Георгом Траклем. Небезынтересны и параллели между творчеством цур Линде и некоторыми явлениями в русской литературе и поэзии десятих-двадцатых годов. Поэтический язык цур Линде одновременно обладает сходством как с акмеистическим «отяжеленным», плотным, вещественным словом, так и с «корнесловием» русского (кубо)футуризма.

Отто цур Линде, родившийся 26 апреля 1873 г. в Эссене, с детства страдал воспалением роговицы, что привело его к почти полной слепоте в конце жизни. Он изучал философию и германистику в университетах Берлина, Галле и Фрайбурга. В 1899 г. во Фрайбурге цур Линде защитил диссертацию на тему «Генрих Гейне и немецкий романтизм», после чего отправился в Лондон, где работал в Британском Музее, писал статьи для немецких газет и поддерживал дружеское общение с английским философом Чарльзом Хамфри Кларком [4]. Там же он познакомился со своей будущей женой Вереной, с которой вернулся в 1902 г. в Германию и поселился в Берлине, в котором практически безвыездно прожил до своей смерти 16 февраля 1938 г.

В 1904 г. цур Линде вместе с философом Рудольфом Панвицем основал журнал «Харон», который издавал до начала Первой мировой войны.

С 1907 г. к журналу добавились приложения, в которых более активно велся диалог с читателями, обсуждались насущные проблемы общественной и культурной жизни Германии. Вскоре Панвиц покинул редакцию журнала. На смену ему пришли Рудольф Паульсен и Карл Ретгер. В 1911 г. по инициативе Карла Ретгера стал издаваться второй журнал «харонтиков», название которого, «Мост», отвечало стремлению объединения стать «переводчиком между якобы враждебными сторонами, которые на самом деле не враги, а всего лишь не понимают друг друга» [5]. В сентябре 1914 г., с началом мировой войны, «Мост», как и другие издательские проекты «Харона», был закрыт. После войны цур Линде и Паульсен попытались возродить издательскую деятельность «Харона». В 1920–1922 гг. вышло в свет 13 номеров возрожденного журнала. С 1920 по 1925 гг. появились последние 5 томов десятилетнего собрания сочинений цур Линде, издававшегося с 1910 г. Эти издания печатались цур Линде и Паульсеном в основном за свой счет, выходили миниатюрным тиражом и в конце концов «утопили в море инфляции» [6], так и не собрав вокруг себя заинтересованную читательскую аудиторию.

Немецкий исследователь Рольф Парр подробно описал идеологию, эстетическую программу и организационную структуру движения «Харон» [7]. Парр выделил в «Хароне» два слоя — «внутренний» и «внешний». «Внутренний» круг объединения ставил своей задачей реформу поэзии и через нее — реформу всей общественной жизни [8]. Как позже писал Паульсен, «харонтики стремились интегрировать поэзию, философию и религию, чтобы создать основу для немецкого духовного возрождения, вернувшись к первоисточкам мышления и поэзии» [9].

При этом харонтики во главе с цур Линде решительно отказываются от «профессиональных» атрибутов лирики — регулярной метрики, устоявшихся строфических схем, жанровых рамок — и выдвигают принцип народной, народной «дилетантской» поэзии [10]. Эту новую поэтику, в которой на поэтическом языке должны были заговорить сами вещи, цур Линде обосновывает в трактате «Арно Хольц и Харон» и в других своих публикациях в «Хароне» как программу «истинного натурализма». По мнению цур Линде, поэт-харонтик не нуждается более в готовых формах и творит свою фор-

му каждый раз заново, повинуюсь ритму звучащего слова, вещей и собственных представлений [11].

Харонтики рассматривали себя как элиту Германии, сплоченную, подобно поэтическим кружкам Штефана Георге и Гуго фон Гофмансталя, вокруг «царственной», харизматичной фигуры «поэта-вождя». Но эта элитарная установка входила в противоречие с широкими реформаторскими задачами «Харона». Как выражался цур Линде, «нам не нужна так называемая «публика». Здесь вам не ярмарочный ларек от литературы» [12]. Эта дилемма между элитарным самосознанием ведущих представителей «Харона» и стремлением к обретению сочувствующей и заинтересованной аудитории привела к созданию «внешнего» круга «Харона». Группа поэтов и философов вокруг цур Линде (Панвиц, затем, после ухода Панвица, только Паульсен и Ретгер) публиковала свои стихи в журнале «Харон». Остальным участникам объединения была предоставлена возможность сотрудничать в менее элитарных органах — в «Приложении к Харону» и журнале «Мост» [13]. Среди «внешних» сотрудников «Харона» можно обнаружить таких авторов, как С. Фридлендер (псевдоним Минона), Э. Ласкер-Шюлер, Т. Лессинг, Л. Рубинер, И. Шлаф [14]. Кроме того, в списках участников движения значится берлинский корреспондент «Весов» М. Я. Шик (1884–1968 гг.), впоследствии советский поэт, переводчик, критик и библиофил. Именно благодаря Шик у имени цур Линде стало известным русским символистам, в частности Валерию Брюсову.

Второй социально-культурный инициативой «Харона», призванной вывести объединение из элитарной самоизоляции, стало «Общество друзей Харона», основанное 13 мая 1911 г. по инициативе Рудольфа Паульсена, который и был выбран его председателем. Главной задачей общества ставилось распространение идей цур Линде и «Харона» за счет докладов, публичных чтений и организации региональных отделений [15]. Так, в конце концов, в рамках «Харона» выдвинулось три «слоя» или «круга»: ближний круг Отто цур Линде, собиравшийся на квартире поэта; круг прочих сотрудников журнала «Харон»; круг сочувствующих, объединенных в «Общество друзей Харона» [16]. Сам цур Линде к потенциальным участникам и союзникам «Харона» относился прежде всего «малообразованные» слои — молодежь, женщин, крестьян, городских ремесленников и т. д. По мнению цур Линде, именно эти слои были «естественным образом» способны создавать гениальные стихи

на немецком языке [17]. Но в реальности «Харон» и цур Линде поддерживали совсем другие слои населения — прежде всего школьные учителя, а также интеллигенция — ученые, врачи, сотрудники газет и журналов и т. д. [18] Большая популярность «Харона» среди учителей объясняется сотрудничеством объединения с известным немецким педагогом Бертольдом Отто (1859–1933 гг.), автором теории «возрастных диалектов» (Altersmundarten), выдвигавшим оригинальную концепцию языкового воспитания, которая во многом была созвучной языковым поискам цур Линде.

В начале двадцатых годов возрожденный «Харон» несколько изменил свою эстетическую и социально-культурную программу. Рольф Парр, в частности, обращает внимание на то, что принципы «естественности» (Natürlichkeit) и «душевности» (Innerlichkeit), разработанные цур Линде до войны в полемике с Арно Хольцем, были соотносены с социальной стратификацией немецкого общества. Также были продолжены усилия по сближению «ratio» и «religio», тот есть по достижению синтеза мистики и рациональности. Наконец, цур Линде и харонтики стали задумываться о собственной поэтической родословной. В качестве духовного предшественника движения был выбран Новалис. Новалис как предтеча «Харона» противопоставлялся Гете, как «Харон», в свою очередь, противопоставлялся кружку Штефана Георге, тяготевшему к наследию веймарского классика [19].

Деятельность «Харона» в целом не нашла широкого отклика среди современников. Критические отзывы не отличались снисходительностью: харонтики называли «геростратами от литературы», их тексты квалифицировались как неуклюжие и смешные подражания Рильке или даже как «полная чушь». Более того, один из рецензентов позволил себе предположить, что все статьи журнала пишет один и тот же умалишенный автор, скрывающийся под различными псевдонимами [20]. Эти характеристики, ставшие бы, вероятно, предметом гордости для дадаистов или других представителей авангарда, больно задевали цур Линде и его последователей.

Неприятие «Харона» немецкой критикой повлекло за собой другую проблему — определения места этого объединения в истории немецкой литературы начала XX века. Различные авторы, писавшие о цур Линде и его «Хароне», относили его то к «лириче-

скому импрессионизму» (Йозеф Шнайдер и Клеменс Хезельхаус), то к «пред-экспрессионизму» (Альберт Зергель и Бернхард Ранг) [21].

Несмотря на утверждения Отто цур Линде о «беспредпосылочности» своей поэзии, исследователи выявили весьма солидный список повлиявших на него авторов. Это и Гейне, о котором цур Линде написал диссертацию, и немецкие романтики Арним и Брентано с их «Волшебным рогом мальчика», и Карл Филипп Мориц, и целый ряд других немецких поэтов и писателей [22]. Ханс Хеннеке, в свою очередь, обнаружил параллели между цур Линде и англоамериканскими поэтами-модернистами XIX – XX веков – Дж. М. Хопкинсом, имажистами Э. Паундом и Д. Г. Лоуренсом [23].

Цур Линде создал оригинальную авторскую поэтическую мифологию, в которой элементы древнегерманского и античного язычества соединены с образами и мотивами христианской религии. Два образа стоят в центре этого мира: шар и спираль. Шар и спираль выражают, соответственно, единство всех мировых противоположностей и принцип вечного изменения. На языке поэзии шар предстает как остров, первичное зерно порядка; этот остров – одновременно забытая родина, утраченный рай и вожделенная страна будущего, место исполнения желаний. В германской мифологии таким счастливым островом является Туле, в античных сказаниях – Атлантида. В библейской традиции, которая тоже звучит у цур Линде, это Вифлеем и Кана Галилейская. Томление по идеальности шара и «острову счастья» воплощено у цур Линде в образе корабля или античного «челна Харона», в котором сливаются мотивы германских мифов (корабль викингов) и античности (аргонавты) [24]. Кон-трастные и взаимодополняющие мотивы шара и спирали, острова и Харонова челна варьируются в частых у него образах дома и странника, что заставляет вспомнить о Гете, несмотря на то, что цур Линде отрицал его влияние на свое творчество.

Наконец, мотив томления и стремления выражается у цур Линде в образе птицы. В стихотворении «Готический собор» (Der gotische Dom), одном из лучших произведений цур Линде, собор уподобляется летящей сквозь тьму «птице-мечте», или «птицетоске» (Vogel Sehnsucht). Камень лишь фиксирует траекторию этого полета или прорыва: «И тяжело вздымается

кверху,/оплывая непомерной тяжестью, парит в воздухе дитя,/осиротевшее без матери-солнца, искомое страстно,/и тоскует по солнцу» (Und schwer erhebt sich in die Höh,/Tiefender Schwere belastet: der Sonne verirrtes, der Sonne sehndendes,/Der Mutter Sonne sehndend gesuchtes Kind/Und schwebt) [25].

Свое «умозрение в стихах» цур Линде обнародовал в ряде поэтических сборников: 1909 – «Шар. Философия в стихах» (Die Kugel, eine Philosophie in Versen); 1910 – «Туле, страна мечты» (Thule Traumland); 1910 – «Песни любви и супружества» (Lieder der Liebe und Ehe); 1911 – «Город и пейзаж» (Stadt und Landschaft); 1913 – «Люди, дороги и цели» (Menschen, Wege und Ziele); 1914 – «Вечерняя заря» (Abendrot); 1924 – «Песни страдания» (Lieder des Leids). В 1921–1922 гг. в издательстве «Харон» также был выпущен лирический эпос «Преисподняя» (Die Hölle), в котором цур Линде выразил свое смятение перед лицом событий мировой войны и первых послевоенных лет.

Лирика цур Линде, как выразился близко знавший его Рудольф Панвиц, почти полностью внеисторична и «монотипична», его стихи имеют «шизоидное» происхождение, поскольку постоянно возвращаются к одной и той же болевой точке – расщепленному авторскому сознанию [26]. Этот раскол личности отчетливо выражен, например, в стихотворении «Моя душа – томление» (Meine Seele ist Sehnsucht). Душа здесь – потерянное, забытое темное дно сознания, отделившееся от «светлого», дневного мира [27]. В этом же стихотворении отчетливо проступают важнейшие поэтические принципы цур Линде. Это, прежде всего, прихотливая ритмическая структура, не повторяющаяся ни в одном его стихотворении. Как уже говорилось, цур Линде был решительным противником традиционной метрики. Противопоставляя «мертвое» искусство «мастерства» «живому» искусству творимого мифа, поэт отвергал едва ли не всю традиционную поэтику и ставил своей основной задачей выражение внутреннего, «физического» ритма вещей, который у него именуется «фонетическим». В стихотворении «Моя душа – томление» этот внутренний фонетический ритм выливается в цепочку слов, объединенных характерной для цур Линде аллитерацией и начальной рифмой: Seele (душа) – Sehnsucht (томление) – Segel (парус).

Из стихотворения в стихотворение цур Линде переходят корневые сло-

ва – например, Wind (ветер), Welt (мир), Angst (страх). Симпатии цур Линде к корнесловию порой превращают его строчки в практически неперебиваемые цепочки спондеев («Jesusschifflein Weltmeers Herz...») [28], сближают его стихи со «скачущими ритмами» Дж. М. Хопкинса. Чтобы обнажить фонетический ритм, цур Линде избавляется от служебных элементов языка, прежде всего окончаний и артиклей: «Nun wart ich schon so lang...» [29]; «Maria, wär jeder Weg auch tot:/Ich lege ihn, und die Heilige Not/Weiß Wegewachsens Saatgebot» [30]. В результате корневые существительные, лишённые «привычного» языкового окружения (стандартного глагольного управления, артиклей, окончаний), существенно преобразуют синтаксис, строй поэтической фразы: словесное «поле тяготения» у цур Линде меняет свою конфигурацию, увеличивается и растягивается, слова начинают взаимодействовать между собой «поверх» установленных правил по новым, «нематериальным» законам.

Нередки у цур Линде случаи преднамеренно искаженного глагольного управления: в стихотворении «Глаз лека» (Waldauge) читаем: «Du weißt alles Weh und weinst es mir nicht...» [31]. Линде весьма вольно обходится с глаголом weinen (плакать), подчиняя его управлению фонетическому ритму стиха и начальной рифме: weißt – Weh – weinst. Глагол weinen втягивается в этот ряд, его новое, «окациональное» управление (weinst ... mir: «не плачешь ... мне») поставлено в зависимость от глагола «wissen» (знать). Weinst фактически выступает в значении «говорить», sagen: замена weinst на «sagst es mir nicht» была бы более естественной для немецкого языка, но поэтика цур Линде диктует иное решение.

В стихотворении «Rückschau und Vorwärts» («Оглядываясь назад – смотря вперед») находим строку: «Wenn ich meines Denkens WEG seh...» [32]. Выделение WEG строчными буквами не случайно: оно допускает возможность двойного прочтения строки: как «Когда я вижу путь моего мышления» (der Weg – путь) и как «Когда я отвожу взгляд от своего мышления» (wegsehen – отводить взгляд). Вообще, «путь» (der Weg) часто понимается цур Линде материально-вещественно. В стихотворении «Фонарь в лесу» (Laterne im Wald) следы метафоры, сохранившиеся в выражении «путь лежит передо мной» (Der Weg liegt da), вновь обретают свою былую пространственную предметность: путь «... лежит под моими ногами,/по его трупам я возвращаюсь в свой дом./Ничего не было ужас-

нее, чем этот мертвый путь» (*Der Weg liegt da, liegt unter meinen Füßen./Auf seiner Leiche geh ich in mein eigen Haus./Das war das Grausigste, der tote Weg*) [33].

Яркий пример специфической работы цур Линде со словом дает стихотворение «Христос явился в белоснежных пеленках» (*Christ ist gekommen in Windeln weiß*, [34]). Простая констатация в начале: «Падает снег» (*Schnee fällt*), — служит прологом к целому ряду корневых метаморфоз. «Падение снега» ведет к «складкам света» (*Oh du weiß umstellte Winterwelt./So voll des gefalteten Lichts*). За складками следует «поток»: *Schwerflutende Helle der Niederkunft*). В конце концов, материализованное в слове движение снега (*Fall, Falte, Flut*) застывает в «полях смертной муки» (*die Gefilde der Sterbensnot*) и становится «лучистой астрой зимнего поля» (*strahlblühende Aster des Schneefelds*). В третьей же строфе мы читаем, как «по плоскости шагает человек» (*Über die Fläche schreitet ein Mann*). Так в одном стихотворении разворачивается целый веер возможностей корнесловия, ведущих от падающего снега (*Schnee fällt*) к застывшему полю (*Feld, Gefilde*) и ровной плоскости (*Fläche*).

Можно видеть, что динамика стихотворения у цур Линде диктуется не внешними сюжетными или концептуальными задачами, а драматургией звучащего слова, отражающего, прежде всего, собственную логику вещественного мира, его энергетику, преломившуюся в авторском сознании. «Христос явился в белоснежных пеленках» представляет собой плотный клубок («шар») подобных созвучий. Но, пожалуй, главным здесь является «звукоряд» *Winter — Wand — Windeln*. Все эти слова отсылают к важному для цур Линде мотиву покровы. Если привлечь ресурсы русского языка, то можно увидеть, как через цепочку вольных фонетических ассоциаций «покров — полотно — плащ — платок — поле — пелена — плен — плоть» раскрывается один из центральных лирических жестов цур Линде — снятие с вещей их плотного материального покровы и обнаружение за ними «темного корня» или «басовой струны» мироздания — немецкого *Leid* und *Lied* или блоковского «радости-страдания».

Любовь цур Линде к насыщенным, вещественным, спрессованным образам проявляется в своеобразной ландшафтной лирике, которая по густоте красок и одновременно условности очертаний похожа на постимпрессионистские пейзажи. Ландшафты цур Линде представляют собой нарисованные крупными мазками цветочные плоскости, отражающие

стремление поэта к обнаружению устойчивых, неподвластных истории архетипических «гешталтов». Порой на этом пути он достигает почти акмеистической весомости поэтического слова: «*Die Sonne trägt in breiten Hüften/Des Lebens Frucht, die Sonne schwillt./Und geht mit schwerem Schreiten und mit Fackeltanz./Die Welt ist schwärmend, schwanger, säfteschwer*» [35]. Достижению вневременного идиллического покоя, максимальному приближению к утопическому будущему служит также частое употребление цур Линде *Präsens* (настоящего грамматического времени) в функции *Futurum* (будущего): «*Maria, wär jeder Weg auch tot:/Ich lege ihn...*» [36]. Так его стихи становятся лаконичнее и категоричнее в своих заявлениях «райского острова» Туле.

В стихотворениях цур Линде есть что-то, что отвечает духу и характеру русской литературы, русскому отношению к поэтическому слову. Это, прежде всего, философско-религиозный, медитативный характер его лирики. Цур Линде можно отнести к типу «наивного» философа-поэта, наделенного глубоким и чистым религиозным благочестием, способностью искренне восторгаться и отчаиваться перед загадками Бога, мира и собственной души. Последний раз подобный тип поэта, по-видимому, породила только эпоха барокко. Будем надеяться, что нам еще доведется узнать, как может звучать его поэзия на русском языке. ■

1. Paulsen, Rudolf. *Mein Leben. Natur und Kunst*. Berlin, 1936. - S. 26.
2. Soergel, Albert. *Dichtung und Dichter der Zeit. Eine Schilderung der deutschen Literatur der letzten Jahrzehnte*. Bd. 2. *Im Banne des Expressionismus*. Leipzig, 1927. - S. 249–250.
3. Ebenda. - S. 249.
4. Zur Linde, Otto. *Charon. Auswahl aus seinen Gedichten*. Einführung von Hans Hennecke. München, 1952. - S. 7.
5. Röttger, Karl. *Zum Begleit//Die Brücke. Monatsschrift für Zeitinterpretation*. Jg. 1 (1911). - S. 1.
6. Paulsen, Rudolf. *Mein Leben. Natur und Kunst*. Berlin, 1936. - S. 50 f.
7. Parr, Rolf. *Charon, Charontiker, Gesellschaft der Charonfreunde. Aspekte eines Modells zur Beschreibung literarisch-kultureller Gruppierungen um 1900//Zeitschrift für Germanistik 3 (1994)*. - S. 520–532; Parr, Rolf. *Charon/Gesellschaft der Charonfreunde [Berlin]//Handbuch literarisch-kultureller Vereine, Gruppen und Bünde 1825–1933*. Hrsg. von Wulf Wülfing, Karin Bruns und Rolf Parr. Stuttgart, Weimar, 1998. - S. 61–76.
8. Parr, Rolf. *Charon, Charontiker,*

- Gesellschaft der Charonfreunde. Aspekte eines Modells zur Beschreibung literarisch-kultureller Gruppierungen um 1900//Zeitschrift für Germanistik 3 (1994)*. - S. 523.
9. Paulsen, Rudolf. *Mein Leben. Natur und Kunst*. Berlin, 1936. - S. 29.
10. Zur Linde, Otto. *Ueber individuelle Kunst und die Gemeinschaft der Volksgenossen//Charon, Jg. 10 (1913), Beiblätter, H. 1.* - S. 79.
12. Zur Linde, Otto. *Zum elften Jahr//Charon, Jg. 11 (1914), Beiblätter, H. 1.* - S. 11 f.
13. Parr, Rolf. *Charon/Gesellschaft der Charonfreunde [Berlin]//Handbuch literarisch-kultureller Vereine, Gruppen und Bünde 1825–1933*. Hrsg. von Wulf Wülfing, Karin Bruns und Rolf Parr. Stuttgart, Weimar, 1998. - S. 67.
14. Parr, Rolf. *Charon/Gesellschaft der Charonfreunde [Berlin]//Handbuch literarisch-kultureller Vereine, Gruppen und Bünde 1825–1933*. Hrsg. von Wulf Wülfing, Karin Bruns und Rolf Parr. Stuttgart, Weimar, 1998. - S. 70.
15. Parr, Rolf. *Charon, Charontiker, Gesellschaft der Charonfreunde. Aspekte eines Modells zur Beschreibung literarisch-kultureller Gruppierungen um 1900//Zeitschrift für Germanistik 3 (1994)*. - S. 526.
16. Ebenda.
17. Ebenda. - S. 527.
18. Ebenda.
19. Parr, Rolf. *Charon/Gesellschaft der Charonfreunde [Berlin]//Handbuch literarisch-kultureller Vereine, Gruppen und Bünde 1825–1933*. Hrsg. von Wulf Wülfing, Karin Bruns und Rolf Parr. Stuttgart, Weimar, 1998. - S. 64.
20. Ebenda. - S. 66.
21. Kugel, Werner. *Weltbild und Lyrik Otto zur Lindes*. Köln, 1959. - S. 8.
22. Ebenda. - S. 128.
23. Zur Linde, Otto. *Charon. Auswahl aus seinen Gedichten*. Einführung von Hans Hennecke. München, 1952. - S. 27–28.
24. Nadler, Josef. *Geschichte der deutschen Literatur*. Wien, 1951. - S. 728.
25. Zur Linde, Otto. *Charon. Auswahl aus seinen Gedichten*. Einführung von Hans Hennecke. München, 1952. - S. 175.
26. Pannwitz, Rudolf. *Das Gedicht Otto zur Lindes//Merkur 62 (1953)*. - S. 394.
27. Zur Linde, Otto. *Charon. Auswahl aus seinen Gedichten*. Einführung von Hans Hennecke. München, 1952. - S. 62–63.
28. Ebenda. - S. 116.
29. Ebenda. - S. 53.
30. Ebenda. - S. 119.
31. Ebenda. - S. 101.
32. Ebenda. - S. 138.
33. Ebenda. - S. 158.
34. Ebenda. - S. 177–178.
35. Ebenda. - S. 114.
36. Ebenda. - S. 119.